

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ЧЕРНАЯ ХИМИЯ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

З-43 Черная химия / Сергей Зверев. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Спецназ. Офицеры).

ISBN 978-5-04-105087-0

Агент российских спецслужб Денис получает задание разыскать секретную химическую лабораторию исламистов на территории Эфиопии. Он и его помощница Вика направляются в район, но неожиданно попадают в плен к боевикам. Спасение заложников поручено группе спецназа ГРУ. Бойцы освобождают пленников, а заодно находят секретную лабораторию экстремистов. Но никаких следов опасного производства там нет... Внезапно разведчики понимают, что пресловутая «лаборатория» — ловушка, устроенная Западом с целью обвинить Россию в производстве химического оружия. На то, чтобы предотвратить международный скандал, у спецназовцев остается всего несколько часов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зверев С. И., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105087-0

С самого утра у Дениса крутилась в голове песня группы «Наутилус»:

*Синоптики белых стыдливых ночей, сумевшие выжить
на лютом морозе,
Вы сделали нас чуть теплей, чуть светлей, мы стали
подвижней в оттаявших позах... —*

так нравившаяся когда-то. Всплыла в памяти Одесса, общага «Водного» — института инженеров морского флота. С кентами очередной «мадапалам». Откуда взялось это словечко? Быть может, сорвалось однажды с языка какого-нибудь портного, шьющего «настоящую» «Монтану» для приезжих «чертей», и вошло в тираж?.. Прозрачно-желтое «Ркацители» в фужере... Потом гуляли с Викой. Зайти за ней, будучи навеселе, было в порядке вещей. Он ловил «фары» и вез девушку на Приморский бульвар. Красиво болтал всякую чушь, глядя на море и белые корабли в порту, а она слушала его, раскрыв рот, и улыбалась: мели, Емеля, твоя неделя...

Денис замер, глядя на себя в зеркало. Одна щека побрита, другая белая, в пенке. Вспомнил, как смотрелась в зеркало его джипа в деревне племени хамер африканская модница, одетая в пестрые тряпки. Тонкие косички по всей голове, выкрашенные в красно-коричневый цвет и подстриженные под сессон. Два обруча на шее — чья-то вторая жена. Вряд ли в ее соломенном жилище, похожем формой на пасхальный кулич, имелось собственное зеркало. Но женщина — она и в Африке женщина...

*Любимцы детей и задумчивых вдов, включившие джаз
в коммунальных квартирах,
Я слушаю каждый ваш новый прогноз, пытаюсь понять,
в чем же тайная сила... —*

продолжал звучать в голове голос Вячеслава Бутусова. Денис не понимал тогда, о чем песня, и от этого она еще больше завораживала. Зато стало ясно, почему «включилась» нынче.

В деревню он поехал поснимать аборигенов для журнала. Спыхватился накануне, что не хватает лиц людей, тогда как дикой природы, без ложной скромности, материал собран неплохой. Выруливая с грунтовки на шоссе по окончании работы, увидел в синеве маленькое облачко вдали. «Надеюсь, это не то, что я думаю!» — сказал себе. Но вскоре стало ясно, именно «то»! Не далеко сумел уехать, накрыла песчаная буря! Успел еще сделать какое-то количество снимков под-

нявшихся на дыбы песков, про себя молясь богу, раз уж так попался, прежде чем настал конец света — в прямом смысле. Все заволокла серая мгла, ветер выл, как тысячи чертей, и напирал, напирал! Душа висела на ниточке. Казалось, машину вот-вот перевернет, а то и поднимет на воздух. Пескоструйную обработку заказывали?.. Кузов будто мелкой наждачкой отшлифовали, — обнаружил по окончании светопреставления. К счастью, оно оказалось непродолжительным. «Надо будет попроситься в автомастерскую, — подумал. — Не в местную, разумеется, — в посольскую, по благу. Быть может, с кузовом что-то сделать требуется? Какое-то покрытие нанести или что?..»

Постояв под душем, — в столичных отелях, в районе Боле, во всяком случае, горячая вода была практически всегда, как и электричество, — Денис тщательно вытерся полотенцем и пошел одеваться. Надел легкие светлые джинсы, рубашку навывпуск с коротким рукавом, повесил на плечо сумку с аппаратурой. В общем-то, она вроде бы и не была нужна сейчас, но фотокорреспондент должен находиться всегда во всеоружии, так? Следует держать марку. Вышел в коридор, закрыл за собой дверь.

*Какая надежда в вас! Какая любовь! Без песен,
без праздников!*

Без жестов, без слов! —

солист «Наутилуса» перешел к исполнению припева.

С тех пор, как Денис впервые услышал этот хит, минуло немало лет. Он подышал воздухом разных стран, повидал людей, почитал хорошие книги, узнал много новых слов, не забыв при этом старых, и хотелось бы надеяться, чуть-чуть вырос над собой... О чем эта песня, он и теперь не понимает. Она все равно нравится. То была юность... Плох генерал, который не хотел бы снова стать солдатом...

После прогулки они приезжали в Викину общагу — технологического института пищеπροма. Исхитрялись забраться в постель и все успеть за то время, пока ее соседки по комнате — три подружки-молдаванки из Кишинева, — Денис так и не запомнил, кого из них как зовут, настолько были похожи, — куда-то ушли или откуда-то еще не вернулись. Она никогда не отказывала ему, даже в критические дни. Хотя, наверное, было нельзя?..

*Хранители тайны заморских богов, внушившие страх
недоверчивым мамам,
Уводят девчонок под белый покров и учат их там
танцевать под тамтамы...*

Выйдя из отеля, он увидел пару желтых «представительских» таксомоторов и вереницу «демократичных» синих с белой крышей... родных «копеек»! Авто первой модели «Жигулей»! До сих пор

не привыкнет. Ими наполнена вся Аддис-Абеба. Сколько им лет? В Москве уже не увидишь.

Ехать никуда не требовалось. Белый человек не спеша брел сквозь яркий людской поток черных людей, придерживая рукой сумку. Здесь не Одесса, но «чемодана» можно лишиться. Еще неизвестно, где быстрее... Встреча со знакомым, который прибудет, назначена в кафе неподалеку. Денис сел так, чтобы видеть улицу. Заказал ынджеру с бараниной и, разумеется, кофе. Кофе здесь, ребята, — это таки да!

Он знал, что Леон кушать не будет, только выпьет кофе. И знал, почему так. Брат Леона умер от осколка гранаты, попавшего в живот. Врач сказал, что если бы он не поел накануне и желудок был бы пуст, то, возможно, удалось бы спасти. С тех пор Леон, кажется, вообще никогда не ест... В Аддис-Абебе, конечно, спокойно. Но ему сегодня же — в обратный путь. Там, на границе с Сомали, все по-другому.

Денис не видел, где Леон припарковал авто. К кафе тот подошел пешком. По одежде худошавый парень — не из бедных. Хорошие джинсы, легкий кремовый батник. Ноги обуты не в дешевые пластмассовые сланцы — в кожаные сандалии. «Нарядно выглядит чернокожий «мачо»! — краешками губ улыбнулся Денис. — Только хмурый он всегда».

Денис знал, почему и как «мачо» согласился сотрудничать. Дело не только в деньгах. Деньги

не главное. Тут, братцы, «политика» и амбиции. О как! Ему помогли добрым военным советом, и немного — оружием, расчистить поляну. Освободить приграничные земли, на которые он претендовал, от двух других вождей племен. А может, они все были одного племени, только разных семей? Скорее всего — так, потому что, ликвидировав вождей и особо отмороженных их воинов (отмороженные в Африке — парадокс), Леон сумел объединить все три группы под своим началом. Конечно, его повстанческий, в отношении властей Эфиопии, сомалийский отряд не стал после этого пионерским. Но с Леоном все же можно было договариваться. В борьбе с джихадистами на него можно было опереться. Вообще — с любыми чужаками на его земле.

Граница тут была дырявая, как одежда бедного африканца. Кто угодно шастал из Сомали в Эфиопию и обратно. Погранотряды, замечая очередной прорыв границы, уже никак не реагировали.

— Хелло, — сказал Леон устало, присаживаясь за стол. Он никогда не выжимал из себя фальшивую улыбку. Говорил по-английски медленно, короткими предложениями, порой — отдельными словами. Прежде чем произнести что-то, всегда думал. Он вообще был человеком думающим, это Денис сразу отметил. Вероятно, мог быть и буйным — стоило только посмотреть в его глаза, чтобы поверить в это! В них горел огонь!

Но прежде чем буйство вырвется наружу, Леон будет сдерживать себя, сколько сможет. Пожалуй, Денис уважал своего информатора. И чувствовал, что тот неплохо относится к Денису, с тех пор как перешел к нему «по наследству» от предшественников, этнографов Нефедовых, собиравших материал о племенах аборигенов, и они познакомились.

Нефедовых нашли убитыми в машине недалеко от Аддис-Абебы. Автоматная очередь и по контрольному выстрелу в голову. Пропали деньги, мобильные телефоны и авторегистратор. Но остались нетронутыми аппаратура и охотничье оружие. На почерк местных разбойников это было не похоже. Нефедовы только начали плотно сотрудничать с Леоном...

— Здравствуй, Леон. — Пожав ему руку, Денис взялся за узкогорлый кувшин с длинным носиком, чтобы разлить кофе. — Что нового?

— Еще два трупа.

— Приятного аппетита! — самому себе буркнул на данное сообщение Денис. — Такие же? — спросил собеседника.

— Да. Здесь и здесь, — тот провел рукой над лицом и возле груди скрюченными растопыренными пальцами, будто намеревался расцарапать лицо и грудь.

— На себе не показывай! — одернул Денис. — Обезображены? — уточнил. Леон кивнул.

— Сфотографировал на этот раз? Хорошо. Дай смартфон, я скачаю.

Пока Денис «спаривал» через блютуз смартфоны, Леон пил кофе, задумчиво глядя на улицу. Возвращая ему смартфон, Денис спросил:

— Почему ты думаешь, что те, предыдущие, и эти трупы как-то связаны с геологами? Я узнавал, в Огадене действительно французы ищут нефть. Получили разрешение. Найдут — не найдут, другой вопрос, но ищут.

— Люди пропали. Мои. Поехали посмотреть. Не вернулись. К геологам не подойти. Охранники. Разные... Всякие... — Леон помахал ладонью у лица.

— Разных национальностей? — уточнил Денис.

— Да. Они подменили настоящих геологов.

— Ты так считаешь? Хм... Волки в овечьей шкуре...

— Они не бурят. Вышек нет. Видели машину, какие-то бочки везла. Знаки, — Леон соединил руки на шее, будто хотел себя задушить.

— Знаки опасности? — догадался Денис.

— Да. Они хозяйничают на нашей земле. Надо их прогнать!

Денис думал какое-то время.

— Леон, найди их. Узнай точное место, где обосновались. Сможешь? Я приеду к тебе через несколько дней. Людей подготовь, съездим вместе, посмотрим на твоих геологов. Я кое-какое оборудование припасу. Пустим «птичку» над ними полетать... А?

— Хорошо.

Они попросились.

*Держатели акций безумных идей, вы слышите музыку
медного Будды,
Вам ясен язык молчаливых детей, здесь каждую ночь
совершается чудо,
Вселяя надежду в вас, внушая любовь.
Без песен, без праздников, без жестов, без слов! —*

разошелся не на шутку Бутусов в душе Дениса, шагавшего обратно в отель...

Вика от него чего-то ждала, вероятно. Он же ничего в отношении ее не планировал. Почему? Она была... слишком скромная для него. Он хотел яркую принцессу. По себе — надутый петух!

Когда она сказала ему смущенно: «Проколычик вышел», — стал думать — вслух причем — лишь об одном. Как поскорее и с максимальным комфортом ей сделать аборт. Она сказала, чтобы он не волновался. Это ее упущение, сама и исправит. «Это хорошо!» — обрадовался он про себя тогда. Какое-то время не показывался, наверное — долго, прежде чем снова прийти. Как обычно, навеселе, — иначе и не пошел бы, вероятно. Одна из соседок-молдаванок, которых он не различал, вывела его в коридор и долго горячо объясняла ему, какая он скотина. Денис тогда хорошо нагрузился и был рад поговорить по душам, с психологией, так сказать. Неважно, о чем, и даже не важно, с кем. Он втолковывал молдаванке,

что в жизни одни люди идут широкой дорогой, другие бредут по обочине. Кому как предначертано с рождения, с этим ничего не поделаешь... Подразумевалось, что он идет, а она — Вика — бредет.

А соседка утверждала, что он — подлец. Что Вика из-за него отчислилась из института, сделала аборт и уехала домой, в Нижний Новгород. А училась отлично! Что у нее отрицательный резус-фактор, и врачи не гарантируют вторую успешную беременность, а она все равно сделала аборт и уехала, потому что он, Денис, ее не любит!..

Какая любовь? И подлецом Денис себя не чувствовал. Им действительно было хорошо вдвоем, но это было просто... Ну, просто так. В чем он виноват?.. Он ничего ей не обещал.

У него потом было много женщин. Были яркие принцессы и жестокие разочарования. Теперь все, что было, былшем поросло. Вспоминается же то, как Вика, склонив голову набок, смотрит на него, молча улыбаясь: мели, Емеля, твоя неделя. Никогда в жизни он больше не встречал человека с таким чудесным, так подходящим для идеальной, по его мнению, семейной жизни характером! Чем взрослее он становился, тем страшнее было думать, что из-за него она, Вика, возможно, осталась несчастной на всю жизнь.

А тогда он даже не попытался ее искать, протрезвев. Уехала, и хорошо, решил. Так спокойнее...

Вячеслав Бутусов не пел больше, устал.

«Чего это так накатило?! — удивился себе Денис. — Жизнь проходит? Вроде не старик еще...»

Он встряхнулся мысленно. Какую роскошь себе нынче позволил: покопаться в душе. Кто дело делать станет, если ты раскиснешь, донжуан хренов, молью поточенный?..

«Итак, что у нас? — принялся рассуждать. — Облачко на горизонте нарисовалось, вроде как? В отличие от неподвластных нам небес, тут мы все же кое-что иногда можем сделать, — пробормотал, — потребуется уточнить прогноз. Да-с. Кажись, халтурка наклеивается. Что там, в «Лесу», решат мои «синоптики белых, стыдливых ночей»?..»

«Какая чушь иной раз лезет в голову!» — подумал руководитель Восточно-Африканского отдела Службы внешней разведки Андрей Владимирович Груздев в кабинете директора. Он только что закончил доклад и теперь, чуть расслабившись, пока директор обдумывает доложенную им информацию, поймал себя на ощущении, что всегда за большим круглым директорским столом у него возникает чувство, будто его правое ухо значительно больше и тяжелее, чем левое. Все из-за того, что за спиной и чуть справа находится внушительных размеров глобус и как бы давит.

— Значит, Малиновский полагает, в Огадене завелась химическая лаборатория исламистов?